

Дипломатические усилия правительства Великобритании по вовлечению Турции в войну на стороне антигитлеровской коалиции (1941–1943 гг.)

Дипломатическая история Второй мировой войны продолжает оставаться актуальной темой и по-прежнему привлекает внимание историков разных стран. В политике всех великих держав в годы войны большое место занимала борьба за привлечение малых стран на свою сторону. Особое место в этой борьбе занимала Турция, владеющая стратегически важными Черноморскими проливами и прикрывающая подступы к богатейшим источникам ближневосточной нефти. В настоящей статье ставится задача на основе анализа английских архивных документов и других источников осветить политику правительства Великобритании в отношении Турции в период от нападения Германии на СССР, положившего начало новому этапу мировой войны, до начала коренного перелома в ходе войны, предопределенного поражением немецко-фашистских войск под Сталинградом.

18 июня 1941 г., за четыре дня до нападения на Советский Союз, гитлеровская Германия заключила «договор о дружбе» с Турецкой Республикой. Стороны обязались уважать территориальную целостность и неприкосновенность национальных границ и отказаться от прямых или окольных попыток враждебной деятельности друг против друга¹.

Договор от 18 июня не отменял обязательств Турции перед другими странами и прежде всего перед Великобританией. По требованию Турции это положение было включено в текст договора. Хотя Англия и с тревогой встретила подписание германо-турецкого договора, реакция Лондона была сдержанной. Министр иностранных дел Великобритании А. Иден в одной из бесед с послом Турции в Лондоне Т.Р. Арасом предостерег турок, напомнив, что Германия никогда не заключала договоры со странами, не превращая эти страны в свои будущие «жертвы»². В свою очередь британский посол в Турции Х. Нэтчбулл-Хьюджессен 21 июня 1941 г. писал Идену, что главная причина подписания договора между Турцией и Германией – это опасения турецкой стороны в отношении мощи немецких военно-воздушных сил. Эта мощь уже послужила причиной катастрофического положения в Греции, Югославии и на Крите, приведшего к оккупации этих стран и территорий германскими войсками³.

22 июня 1941 г. войска гитлеровской Германии совершили агрессию против СССР. В ходе Второй мировой войны начался качественно новый этап, а советско-германский фронт стал главным театром военных действий. С этого времени от ситуации, складывавшейся на советско-германском фронте, стали во многом зависеть действия и дипломатические шаги многих государств, как участвовавших в

¹ Лавров Н.М. Турция в 1918–1956 гг. М., 1956. С. 27.

² National Archives of Great Britain. Public Record Office [After – PRO]. Foreign Office [After – FO] 286, R6539/236/44.

³ Deringil S. Denge oyunu. İstanbul, 2003. S. 146.

войне, так и стремившихся избежать такого участия, в том числе Великобритании и Турции.

В ходе беседы с Иденом, состоявшейся 26 июня 1941 г., турецкий посол Арас в очередной раз заверил британского министра иностранных дел в том, что действующий англо-турецкий союз остается в силе, а с Германией лишь подписан договор о дружбе. Далее Арас заявил, что в период советско-германской войны самое важное, чем должны заниматься Англия и Турция, это укреплять свою силу на Ближнем Востоке, в частности, в воздушном пространстве. Посол также добавил, что если Великобритания сможет укрепить свои позиции в Ираке, Сирии и Египте, то это будет самым полезным для положения Турции наряду с американской помощью этой стране⁴.

В британском МИДе не без оснований связывали подписание германо-турецкого договора и нападение Германии на СССР. Существовало даже мнение, что именно Турция спровоцировала Германию развязать войну на востоке, так как это было в ее интересах, ослабляло угрозу германского нападения для самой Турции. Иностранные дипломаты в Анкаре отмечали радостную обстановку, царившую в турецких правящих кругах после начала германской агрессии против СССР. В частности, Нэтчбулл-Хьюджессен говорил о том, что министр иностранных дел Турции Ш. Сараджоглу был очень рад начавшейся советско-германской войне⁵. Хотя сам турецкий министр впоследствии категорически отрицал это. В турецкой прессе также отражалась сложившаяся политическая обстановка и атмосфера внутри руководства страны. Например, в одной из статей газеты «Джумхурийет» говорилось, что в случае поражения Советского Союза народы, находящиеся под гнетом русской культуры, обретут независимость, а большевистское правительство и советская империя будут уничтожены⁶.

В условиях начавшейся войны с СССР Берлин делал попытки оказать влияние на турецкое руководство, чтобы оно, в свою очередь, смогло повлиять на внешнеполитический курс Англии. Германский посол Ф. фон Папен настоятельно рекомендовал Сараджоглу сообщить в Лондон, чтобы Англия и США воздержались от вмешательства в спор между Советским Союзом и Германией. Турецкое руководство было в смятении. Более того, оно было поражено речью премьер-министра У. Черчилля, ярого противника коммунизма, 22 июня 1941 г. В ней он сказал, что Британия окажет России (т.е., СССР) и русскому народу любую помощь, какую только сможет⁷.

29 июня 1941 г. Лондон дал указание Нэтчбулл-Хьюджессену встретиться с Сараджоглу, чтобы успокоить турецких руководителей и развеять сомнения касательно речи Черчилля. Следовало объяснить турецкому правительству, что помощь Советскому Союзу будет предоставлена только для борьбы с нацизмом. 5 июля посол телеграфировал в Лондон о крайней необходимости устранить насто-

⁴ PRO. FO 424/286, R6539/236/44.

⁵ Deringil S. Denge oyunu. S. 146.

⁶ Koçak C. Türkiye'de Milli Şef Dönemi. Cilt I (1938–1945). 2 baskı. Ankara, 2003. S. 601.

⁷ Чевтаев А.Г. Сталин, Рузвельт, Черчилль: создание, борьба и победа антифашистской коалиции (1940–1945). Екатеринбург, 2009. С. 35.

роженность, вызванную речью премьер-министра. Форин Оффис был настолько обеспокоен сложившейся ситуацией, что направил Черчиллю просьбу выступать в будущем с более сдержанными заявлениями⁸.

В связи с упомянутой речью Черчилля Нэтчбулл-Хьюджессен в отчете Идену дал свой комментарий состоянию советско-турецких отношений. Он напомнил, что наряду с традиционной турецкой боязнью в отношении России у турецкой стороны были и другие причины не доверять ей. Например, во время визита в Берлин в ноябре 1940 г. нарком иностранных дел В. Молотов заявил, что Проливы должны перейти под контроль СССР. Кроме того, Турция обвиняла Москву в безынициативности и невосприимчивости ко всем попыткам Анкары к сближению с СССР, предпринимавшимися в 1939 г. Нэтчбулл-Хьюджессен писал Идену, что сначала он скептически относился к этим турецким обвинениям, особенно он ставил под сомнение требование Молотовым контроля над Проливами. Однако впоследствии посол согласился с обоснованностью этих жалоб, особенно после того, как Анкара представила доказательства того, что Москва разжигает движение за независимость среди курдских племен на востоке Турции⁹.

Летом 1941 г. положение Англии в Восточном Средиземноморье ухудшилось. В частности, поражение английских войск на Крите и его оккупация гитлеровскими войсками, неудачное наступление английских войск в Ливии в середине июня усугубили положение Англии в данном регионе. Военное руководство Германии, вдохновленное военными успехами в Средиземноморье, подготовило 6 июня 1941 г. меморандум под названием «Анализ стратегической ситуации в Восточном Средиземноморье после балканской кампании и оккупации Крита». Согласно этому документу, Германия планировала после завершения «молниеносной» войны с СССР вести военные действия против англичан в следующих направлениях: Турция – Сирия – Палестина и Закавказье – Ирак – Иран¹⁰. В Лондоне не исключали такого развития событий и предприняли упреждающие меры как в отношении Сирии, так и в отношении Ирана. Однако подготовка англичанами соответствующих действий выявила наличие некоторых разногласий в англо-турецких отношениях летом 1941 г.

После поражения Франции Сирия оказалась под контролем властей марионеточного прогерманского правительства Виши. Военные победы Германии на Балканах и в Восточном Средиземноморье весной-летом 1941 г. давали как англичанам, так и туркам основания предполагать, что следующим шагом гитлеровцев в этом направлении может стать операция по оккупации Сирии, а затем прорыв немецких войск через Ирак к Персидскому заливу и в Иран. В Лондоне и Анкаре не исключали, что немецкие войска в любой момент могли начать операцию в Сирии, что создавало угрозу границам Турции с юга и английским позициям на Ближнем Востоке.

⁸ Deringil S. Denge oyunu. S.148.

⁹ PRO. FO 371/R1471/24/44.

¹⁰ Чевтаев А.Г. Политика Англии в Восточном Средиземноморье летом и осенью 1941 г. // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время. Вып.12. Свердловск, 1984. С. 124.

8 июня 1941 г. британские войска, взаимодействуя с вооруженными силами организации «Свободная Франция», созданной генералом де Голлем, пересекли границы Сирии и Ливана с территориями Ирака, Трансиордании и Палестины. Поводом для начала военной операции послужила посадка на сирийские аэродромы для дозаправки германских самолётов, посланных Гитлером в Ирак на помощь антибританскому правительству Рашида Али Гайлани, пришедшему в апреле 1941 г. к власти путем военного переворота (это правительство англичане сумели к концу мая 1941 г. свергнуть в результате военного вторжения и вернуть к власти в Ираке пробританское правительство), и угроза перехода Сирии и Ливана под полный контроль гитлеровцев. Пять недель продолжались боевые действия. 11 июля 1941 г. силы сторонников правительства Виши капитулировали, 14 июля сторонами было подписано соглашение о полном прекращении боевых действий.

В период проведения военной операции в Сирии Англия попыталась добиться от Турции письменного заверения в том, что она не предоставила Германии права перевозки военного снаряжения и переброски солдат по своей территории. 2 июля 1941 г. в беседе с Сараджоглу Нэтчбулл-Хьюджессен спросил, завершилась ли мобилизация в Турции и предоставило ли турецкое руководство разрешение Германии о переброске солдат. Сараджоглу ответил министру, что, несмотря на просьбы Германии и правительства Виши, Турция отказала. Однако когда посол попросил письменно заверить в этом английское правительство, турецкий министр ответил, что такой документ будет «чем-то наподобие соглашения», которое Турция не хочет заключать¹¹. В сложившейся летом 1941 г. ситуации турецкое правительство явно не хотело обременять себя подписанием каких-либо новых соглашений с Англией, так как считало, что на данном этапе выгоднее всего было ориентироваться на Германию, и поэтому оно не хотело давать гитлеровцам повода интерпретировать его отношения с Англией как отход от этой ориентации.

Чтобы усилить британское влияние на турецкое руководство и ослабить воздействие германской пропаганды, Форин Оффис посчитал необходимым заверить Анкару в преданности Лондона англо-турецкому соглашению и в решимости уважать территориальную целостность Турции. 19 июля 1941 г. Иден написал британскому послу в СССР С. Криппсу о том, что Советскому Союзу следовало бы также дать аналогичные заверения. Министр аргументировал это тем, что германская пропаганда постоянно обвиняла Англию и СССР в злых намерениях по отношению к Турции¹². В результате состоявшихся англо-советских консультаций Лондон и Москва сделали 10 августа 1941 г. совместное заявление о том, что они подтверждают свою верность конвенции Монтрё, будут уважать режим судоходства через Проливы и соблюдать территориальную целостность Турецкой Республики. Полностью понимая стремление турецкого правительства избежать вовлечения в войну, Англия и СССР были готовы оказать Турции всякую помощь и поддержку в том случае, если она подвергнется нападению какой-нибудь другой державы¹³.

¹¹ Deringil S. Denge oyunu. S. 152.

¹² PRO. FO 424/286, R3996/3444/34.

¹³ Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии, 1941–1945. М., 2004. С. 188.

Несмотря на эти заверения в безопасности, вступление советских и английских войск в Иран 25 августа 1941 г., инициированное английским правительством, вновь вызвало беспокойство в Турции. Англичане еще раз заверили Анкару в том, что ничто не будет угрожать интересам Турции и основная цель союзной оккупации Ирана – предотвратить угрозу германского вторжения в Индию по суше, а также беспорядки и волнения в самом Иране¹⁴. Особенно волновал турецкое правительство ввод советских войск на территорию Северного Ирана, которая непосредственно граничила с турецкой территорией. Присутствие советских войск на восточных границах Турции, «заигрывание» советских спецслужб с иранскими курдами и попытки использовать курдский сепаратизм в интересах СССР привлекли внимание военных, политических и дипломатических кругов Турции¹⁵. В сводке отдела политической разведки Форин Оффис от 28 августа 1941 г. в связи с этим отмечалось, что министр иностранных дел Сараджоглу выразил полную уверенность в действенности английских гарантий, данных Турции. В ходе беседы с британским послом турецкий министр особенно подчеркивал слово «Англия»¹⁶.

В свою очередь английское руководство считало, что нет поводов для сомнения в преданности Турции. Более того, оно полагало, что такое поведение турецкого правительства – элемент его внешнеполитического курса. В отчете политической разведки от 4 сентября говорилось, что среди стран Ближнего Востока лишь Турция неодобрительно отреагировала на англо-советскую оккупацию Ирана. Это, без сомнения, было связано с ее опасениями, что Германия может использовать этот союзнический ход в Иране в качестве аргумента для давления на Турцию в будущем¹⁷. Турецкая пресса и радио тоже поначалу были критически настроены в отношении действий союзников в Иране, но затем их тон стал более умеренным.

В американской прессе были опубликованы статьи, поддержавшие англо-советскую оккупацию Ирана. В них говорилось, что иранцам нужно считать себя удачливыми, потому что их страну оккупировали не немцы, а англичане. В тех же статьях безжалостно критиковали Турцию за то, что она подписала договор о дружбе с Германией. Американское общественное мнение одобрило действия Англии в Иране, но осуждало Турцию за проведение двойственной политики. Как отмечает турецкий историк С. Дерингиль, в этой обстановке турецкое руководство еще раз укрепило в своей убежденности, что во внешней политике необходимо надеяться только на себя, а не на союзников¹⁸.

С 29 сентября по 1 октября 1941 г. в Москве состоялась конференция представителей трех держав – Англии, СССР, США. Стороны представляли лорд Бивербрук, И. Сталин и А. Гарриман. Бивербрук сообщил Сталину и Гарриману, что английское правительство «хотело бы что-нибудь сделать для турок. Они

¹⁴ Great Britain. Foreign Office. Weekly Political Intelligence Summaries (WPIS). Vol. 4. No. 99. P. 12.

¹⁵ Гасанлы Д. СССР – Турция: от нейтралитета к холодной войне (1939–1953). М., 2008. С. 98.

¹⁶ WPIS. Vol. 4. No. 114. P. 12.

¹⁷ Ibid. No. 100. P. 15.

¹⁸ Deringil S. Denge oyunu. S. 156.

относятся к нам с сочувствием». Свое предложение Бивербрук мотивировал тем, что, по мнению англичан, турки были задеты действиями Великобритании в Ираке и Иране. Он пояснил, что предлагаемая Турции помощь «сводится к поставке орудий, которые СССР не нужны». Речь шла о тысяче 87-мм полевых пушек, которые «для турок означали бы очень многое». Сталин сразу же отреагировал: «Это было бы хорошо, дабы Турция не ушла к Германии. Но она все-таки не ведет себя как союзница Англии. Чтобы помогать, надо иметь гарантии, что помощь не пропадет. Уверен ли в этом лорд Бивербрук? Союза между Турцией и Англией не существует, а есть нейтралитет». Лорд ответил, что Англия «хотела бы воскресить союз и не может жаловаться на турок, потому что сама не выполняла некоторых обязательств». Сталин отметил также, что «Турция боится Болгарии и ее союза с Германией»¹⁹. В целом этот разговор продемонстрировал явно скептическое отношение Сталина к внешнеполитической линии Турции и к англо-турецкому союзу.

Несмотря на усилия Германии вовлечь Турцию летом и осенью 1941 г. в фашистский блок, эти попытки остались без успеха. Более того, когда Советский Союз подвергся нападению Германии и вступил в войну, идея нейтралитета стала основной во внешней политике турецкого руководства. В ноябре 1941 г. заседание меджлиса было посвящено обсуждению политики Турции в условиях войны, отношению к конфликтующим сторонам. Президент Турции И. Инёню оценил текущую ситуацию следующим образом: «Движение началось с балканских событий, затем шаг за шагом Ирак и Сирия, наши западные и южные соседи, попали в состояние войны и зависимости, и вдруг, подобно диву, рванувшись вперед, превратилось в германо-советский вооруженный конфликт. Таким образом, наш северный сосед теперь горит в огне войны, а другой наш сосед – Иран – испытывает трагедию оккупации. Военные действия, охватившие нашу страну со всех сторон, еще более усилили нашу бдительность и в рамках верности нашим обязательствам и нашей дружбе стремление к миру, защищающему нашу честь и жизнь, составляет основу нашей политики»²⁰. Британская политическая разведка, анализируя выступление Инёню, сделала предположение, что суть речи президента могла сводиться к тому, что Турция претендовала на роль примирителя в войне. Действительно, речь Инёню вызвала в дипломатических кругах множество разговоров о мире, который мог бы быть подписан на берегах Босфора²¹. В то же время в британском правительстве были явно недовольны тем, что их ближневосточный союзник мог ассоциироваться с идеями некоего посредничества в процессе примирения воюющих сторон²².

В дипломатических кругах речь Инёню интерпретировалась также как символ исцеления Турции от «нервного приступа» и как заявление о том, что страна будет сопротивляться нападению с любой стороны. Руководители турецкого МИДа,

¹⁹ Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль... С. 22.

²⁰ Гасанлы Д. СССР – Турция... С. 100.

²¹ WPIS. Vol. 4. No. 109. P. 13.

²² Ibid. No. 110. P. 15.

соглашаясь с такой точкой зрения, говорили, что речь Инёню – это недвусмысленное предупреждение Германии, основанное на том, что у Турции возросла уверенность в себе в результате английских действий в Сирии и Ираке. Британская политическая разведка отмечала, что «турки стали меньше бояться поражения русских» и они склонны считать, что СССР сможет одержать победу к весне. Англичане с удовлетворением отмечали также, что, несмотря на дружеские отношения с Германией, Турция «предпочитает британское соседство» на Ближнем Востоке²³.

В целом реакция на речь Инёню оказалась сильнее, чем ожидал сам президент. Он и его советники стали утверждать, что Турция не предлагала никакого посредничества, а лишь выражала благое намерение помочь. Министр иностранных дел Сараджоглу в беседах с британскими представителями подчеркивал, что Турция никогда не станет защитницей Германии, и пообещал, что она никогда не примет предложений Германии без предварительных консультаций с Лондоном²⁴.

В начале зимы 1941 г. два важных события рассеяли сомнения турецких властей по поводу превосходства союзников. Во-первых, это контрнаступление советских войск в ходе битвы за Москву, сорвавшее план «Барбаросса», и, во-вторых, вступление США в войну на стороне союзников 7 декабря. Однако теперь Турция стала опасаться, что Англия под давлением СССР признает советские притязания на турецкие земли, особенно на Проливы.

В середине декабря в Москву с визитом прибыл министр иностранных дел Великобритании Иден, чтобы обсудить ряд вопросов, в том числе связанных с Турцией. Во время московских переговоров по подготовке проекта союзного договора Советским Союзом был предложен проект секретного протокола, где была бы обозначена схема реорганизации европейских границ после войны. Возникновение такого предложения было связано с победами Красной Армии под Москвой. Сталин предложил, чтобы в виде компенсации за сохранение нейтралитета Турция получила такие территории, как острова Додеканес, находившиеся тогда под контролем Италии, район Болгарии к югу от Бургаса, где проживало значительное турецкое население, и какие-либо территории в Сирии²⁵. Можно предположить, что СССР в тот момент был в меньшей степени, чем Великобритания, заинтересован во вступлении Турции в войну. Однако Анкара настороженно отнеслась к сталинскому проекту «компенсаций» за счет болгарского залива, греческих островов и сирийских территорий. Турция опасалась, что подобные географические новшества повлекут за собой дополнительные требования Москвы, в том числе связанные с Проливами²⁶.

Обсуждая со Сталиным этот вопрос, Иден осторожно заметил, что без консультации с кабинетом он не готов подписывать протокол и британское правительство еще не пришло к окончательному мнению о послевоенных границах. Иден ясно

²³ Ibid. No. 109. P. 13.

²⁴ Ibid. No. 112. P. 14.

²⁵ Документы внешней политики СССР (ДВП). Т. 24. М., 2000. С. 502.

²⁶ Гасанлы Д. СССР – Турция... С. 103.

дал понять, что ответственность за реконструкцию послевоенной Европы СССР и Британия должны разделить с США²⁷.

После завершения Московской конференции английское правительство направило все силы, чтобы устранить беспокойство Анкары. Турция очень хорошо помнила недавние события в Иране. В январе 1942 г. Иден сделал заявление перед палатой общин. Министр сказал, что в ходе англо-советских переговоров обе стороны дружески беседовали о Турции. Анкаре не стоит бояться побед своих союзников. Целостности турецких территорий ничего не угрожает, а обязательства, взятые на себя Великобританией и Советским Союзом в августе 1941 г., будут полностью выполняться²⁸. Заявление Идена не рассеяло полностью беспокойства среди турецкого руководства, тем не менее, оно было положительно встречено в турецкой прессе. Газета «Джумхурийет» писала, что мирная политика Турции встречена с одобрением и особенно Советский Союз понимает и поддерживает ее. Поэтому Москва не обсуждает ничего, направленного против Турции²⁹.

По мере того как продвижение германских войск вглубь СССР замедлилось, а предоставляемая помощь союзников Москве возросла, Турция стала меньше опасаться Германию. В то же время она беспокоилась, что Советский Союз может представлять опасность после окончания войны. Этим воспользовался Берлин. Германская пропаганда и гитлеровский посол в Анкаре фон Папен начали распространять ложные слухи о ходе англо-советских переговоров. В частности говорилось о том, что послевоенное устройство границ будет решаться только Великобританией и СССР, а Москве обещаны Проливы и контроль над балканскими государствами. Форин Оффис поручил Нэтчбул-Хьюджессену еще раз заверить Сараджоглу в том, что вопрос о Проливах на переговорах в Москве не обсуждался и неверно считать, что право решения вопросов послевоенного устройства принадлежит только Англии и СССР³⁰. Лондон направил указание британскому послу в Анкаре заверить президента Инёню в том, что Иден никогда не согласится обсуждать вопрос о Проливах или турецких границах без предварительного уведомления турецкого правительства. Лондон понимал необходимость и важность иметь такого союзника на Ближнем Востоке, как Турция.

С весны 1942 г. не без влияния германских интриг и антисоветской пропаганды осложнились советско-турецкие отношения. Лондон стремился не допустить их дальнейшего ухудшения. В английском меморандуме, переданном правительству СССР весной 1942 г., в отношении позиции Турции говорилось следующее: «Турки желают победы союзников, а не победы немцев, так как они отдают себе отчет в том, что при господстве Германии в Европе современная Турция не будет иметь своего будущего. Турецкое правительство считается с возможностью нападения со стороны Германии и проводит все приготовления, чтобы оказать сопротивление этому нападению»³¹.

²⁷ Чевтаев А.Г. Сталин, Рузвельт, Черчилль... С. 75.

²⁸ Olaylarla Türk Dış Politikası. Cilt I (1919–1973). Ankara, 1982. S. 169.

²⁹ Deringil S. Denge oyunu. S. 169.

³⁰ WPIS. Vol. 5. No. 120. P. 15.

³¹ Ибрагимян В.Л. Дипломатия в годы войны (1941–1945). М., 1985. С. 137–138.

Более точные оценки внешней политики Турции английское посольство в этой стране направляло собственному начальству. Характеризуя внешнеполитический курс турецкого правительства весной 1942 г., британский посол Нэтчбулл-Хьюджессен сообщал в Форин Оффис, что до настоящего момента во внешней политике Анкары не произошло никаких изменений. Она по-прежнему опирается на англо-турецкий союз и договор о дружбе с Германией, а главной целью Турции остается сохранить нейтралитет в войне³².

На протяжении зимы и весны 1942 г. в сводки британской внешнеполитической разведки еженедельно включалась информация об активности германской пропаганды на турецком направлении. Гитлеровцы не переставали распространять слухи о том, что турецкое руководство обеспокоено планами СССР в отношении Турции и Турция может разорвать союз с Британией. Германский посол в Анкаре фон Папен прилагал немалые усилия к тому, чтобы обвинить английское правительство в подготовке нападения на Турцию. Лондон убедительно опровергал эти обвинения продолжением поставок в Турцию оружия и военного снаряжения³³. Турецкое правительство, в свою очередь, отрицало изменения в германо-турецких отношениях³⁴. Однако, как отмечали англичане, беспокойство по поводу усиления Советского Союза в правящих кругах Турции существовало.

Причиной такого беспокойства, по мнению турок, была широкомасштабная помощь Москве от Англии и США, которая могла сделать Советский Союз самым сильным государством в послевоенной Европе, навязывающим свой порядок. В связи с этим турецкая дипломатия снова возвратилась к идее заключения мирного договора между воюющими сторонами. Ситуация усугублялась поражениями англичан и американцев на Дальнем Востоке, в Юго-Восточной Азии и на Тихом океане в войне с Японией. На встрече с Нэтчбулл-Хьюджессеном 4 марта 1942 г. генеральный секретарь турецкого МИДа Н. Менеменджюглу заявил, что Турция готова стать посредником в переговорном процессе между Англией и Германией, если этого пожелает английское правительство. Он добавил, что единственным спасением для его страны могут быть военные успехи британской армии, так как победа Германии означает уничтожение Турции³⁵. Турецкое руководство было убеждено, что заключение мира станет препятствием на пути усиления Москвы. Давая оценку этой турецкой инициативе, Нэтчбулл-Хьюджессен писал Идену, что данная ситуация аналогична ситуации 1941 г.: «Турки, как и в прошлом году, хотят дотянуть до осени». Иден ответил, что такие предложения о посредничестве периодически поступают от Турции, но они никогда не принимались всерьез, он также добавил, что «турецкие грезы никогда осуществляются»³⁶. Иден дал указание Нэтчбулл-Хьюджессену убедить турецкое правительство отказаться от идеи посредничества между Англией и Германией. Он также направил во все зарубежные

³² Deringil S. Denge oyunu. S. 170.

³³ WPIS. Vol. 5. No. 124. P. 15.

³⁴ Ibid. No. 125. P. 15.

³⁵ Deringil S. Denge oyunu. S. 175.

³⁶ Ibid.

представительства Великобритании указание не обращать внимания на возникающие в дипломатических кругах слухи о каких-либо инициативах о посредничестве с целью заключения мира, чтобы не вызвать беспокойство Советского Союза.

В мае 1942 г. в Лондон прибыл нарком иностранных дел СССР В. Молотов с целью подписания англо-советского союзного договора. В ходе начавшихся переговоров Иден и Молотов принимают решение до подписания самого договора направить совместную декларацию турецкому правительству. В ней подтверждались гарантии, данные Турции в августе 1941 г. Правительства СССР и Великобритании подтверждали свою верность конвенции Монтрё, заверяли Турцию в том, что они не имеют никаких агрессивных намерений или притязаний в отношении Проливов, подтверждали готовность соблюдать территориальную целостность Турецкой Республики, полностью понимая ее стремление избежать вовлечения в войну. Оба правительства декларировали свою готовность оказать Турции всякую помощь и поддержку в том случае, если она подвергнется нападению какой-нибудь другой державы³⁷.

Совместная англо-советская декларация, основанная на проекте А. Идена и одобренная в Москве, не отражала скрытой напряженности советско-турецких отношений в этот период. Тем не менее министр иностранных дел Турции Сараджоглу в беседе с британским послом заявил, что советско-турецкие отношения налаживаются. Он также выразил свое удовлетворение в связи с зафиксированными в упомянутой декларации советскими гарантиями³⁸.

Англо-советский союзный договор был подписан 26 мая 1942 г. Иден рассматривал его как большой дипломатический успех Англии³⁹. В Форин Оффис отмечали, что англо-советский договор был очень хорошо принят в турецких официальных кругах, поскольку английское правительство постоянно информировало Турцию о ходе переговоров с Москвой. Со своей стороны Сараджоглу еще раз заверил Лондон в том, что Турция не отступится от союза с Великобританией и англо-турецкие отношения не подвергнутся изменениям⁴⁰.

После успешных переговоров, проведенных В. Молотовым с президентом США Ф. Рузвельтом в ходе его визита в США, в июне 1942 г. окончательно оформляется антигитлеровская коалиция, лидерами которой становятся СССР, США и Великобритания. Среди них самым активным инициатором привлечения Турции на сторону коалиции являлось английское правительство. Британский премьер-министр У. Черчилль неоднократно называл привлечение Анкары на сторону антигитлеровской коалиции одной из основных задач британской дипломатии⁴¹.

Англо-советский договор, гарантом которого стали США, положил конец идеям о компромиссном мире и дипломатическом посредничестве. Однако среди турецкого руководства осталось беспокойство относительно того, что в слу-

³⁷ Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль... С. 188.

³⁸ WPIS. Vol. 5. No. 138. P. 17.

³⁹ Ibid. No. 142. P. 14.

⁴⁰ Ibid. No. 141. P. 16.

⁴¹ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: Документы и материалы. Т. 1. М., 1983. С. 121, 127.

чае если страна будет стремиться остаться нейтральной до окончания войны, это может привести к тому, что Англия удалится от своего союзника и предоставит исключительное право СССР урегулировать проблемы Черноморского региона⁴². Несмотря на то, что Лондон постоянно информировал Анкару о ходе переговоров, Турция не была уверена в том, что союзники не заключили секретных протоколов к англо-советскому договору⁴³.

Летнее наступление немецких войск на южном фланге советско-германского фронта в направлении Сталинграда и Северного Кавказа привело к появлению в июле 1942 г. информации о концентрации турецких войск на границе с СССР. Стали распространяться слухи о том, что Турция произвела мобилизацию и решила объявить войну СССР сразу после того, как Берлин объявит о падении Сталинграда. Как пишет авторитетный азербайджанский историк Д. Гасанлы, «накапливание турецких войск в восточных вилайетах, как правило, оценивалось в советской историографии как подготовка [Турции – *Авт.*] к войне [против СССР – *Авт.*]. К сожалению, в современной российской историографии эта ошибка изжита еще не полностью»⁴⁴. По мнению авторов настоящей статьи, главной причиной, заставившей турецких руководителей увеличить численность своих войск на границе с СССР, была их неуверенность в том, что Красная Армия сможет остановить немецко-фашистские войска, рвавшиеся к Кавказу, и опасения, что в таком случае гитлеровцы могут оказаться в Закавказье, угрожая безопасности Турции с северо-востока.

В сложной военно-стратегической обстановке летних месяцев 1942 г. Турция впервые заявила о своих территориальных притязаниях. До этого момента турецкие официальные круги неоднократно повторяли, что у Турции нет никаких территориальных требований. В частности, в июле 1942 г. Турция поставила перед англичанами вопрос о своих территориальных претензиях на северную Сирию. Лондон отклонил эти требования, опасаясь, что в случае их принятия территориальные претензии Анкары могут быть расширены до района иракского Мосула⁴⁵. Одновременно через посольство Турции в Испании английским представителям было заявлено, что после окончания войны в интересах укрепления безопасности Черноморских проливов необходимо передать часть островов Эгейского моря Турции, иначе Турция сама аннексирует их⁴⁶. Английская дипломатия, признавая стремление Анкары получить Эгейские острова, дала туркам понять, что если Турция не примет участия в войне на стороне антигитлеровской коалиции, осуществление этих планов маловероятно⁴⁷.

В июле 1942 г. начались Сталинградская битва и сражение под Эль-Аламейном в Египте. Судьба Турции, ее внешняя политика и безопасность во многом зависе-

⁴² Koçak C. Türkiye'de Milli Şef Dönemi. Cilt I. S. 707.

⁴³ Deringil S. Denge oyunu. S. 174, 176.

⁴⁴ Гасанлы Д. СССР – Турция... С. 111.

⁴⁵ Koçak C. Türkiye'de Milli Şef Dönemi. Cilt I. S. 708.

⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ PRO. FO 371/R 4087/24/44.

ли от исхода этих сражений. В случае, если бы Англия потеряла Египет и германские войска прорвались через Суэцкий канал с юга в Палестину и Сирию, а на севере – через Кавказ в Закавказье, Турция могла оказаться окруженной со всех сторон и остаться один на один с Германией. Англичане понимали, что смогут сохранить свое влияние в Турции, только одерживая победы на фронте. В конце августа 1942 г. британский посол в Анкаре Нэтчбулл-Хьюджессен говорил, что если военная обстановка не изменится, то в ближайшем будущем англо-турецкие отношения ожидает серьезный кризис⁴⁸. Посол верил в преданность Турции, однако понимал, что эта преданность тесно связана с военными успехами.

В августе 1942 г. в Москву по приглашению Сталина прибыл британский премьер-министр Черчилль. В этот период положение на фронтах Второй мировой войны оставалось крайне тяжелым для союзников. Красная Армия терпела поражения на юге советско-германского фронта. С середины августа начались бои на подступах к Сталинграду. В Северной Африке германо-итальянские войска под командованием Э. Роммеля развивали наступление в направлении Суэцкого канала. Средиземноморье контролировали страны фашистской «оси».

В ходе англо-советских переговоров обсуждались обстановка на фронтах, вопрос об открытии второго фронта и другие аспекты союзнических отношений. Черчилль отклонил предложение Сталина открыть второй фронт во Франции, сказав, что по данному вопросу он не может дать «никакого обещания на этот год»⁴⁹. Также обсуждались и англо-советско-турецкие отношения. Сталин заявил Черчиллю, что ходят слухи, будто Турция хочет напасть на СССР и в таком случае он должен рассчитаться с турками. Черчилль постарался успокоить Сталина, утверждая, что у Турции нет таких намерений. Она хочет остаться в стороне от боевых действий и, естественно, не будет ссориться с Англией⁵⁰.

К концу 1942 г. ситуация изменилась в пользу союзников. Прежде всего, огромное значение приобрели победа англичан в сражении при Эль-Аламейне и переход в контрнаступление Красной Армии под Сталинградом. Лидеры США, СССР и Великобритании активно начали обсуждать вопрос об открытии второго фронта в Европе.

Сложившейся ситуацией решила воспользоваться Англия для того, чтобы целиком привлечь на свою сторону Турцию, которая занимала важное место в стратегических планах Черчилля. По замыслам английского премьер-министра, второй фронт должен был быть открыт на Балканах. Турции в этих планах отводилась важная роль. Она должна была двинуть свои войска в Юго-Восточную Европу наперерез Советской Армии, а англичане должны были возглавить этот поход и оказать поддержку своими вооруженными силами. Для этой цели необходимо было заставить Турцию вступить в войну на стороне антигитлеровской коалиции. Эта цель стала приоритетом для Англии в отношении Турции в 1943–1944 гг.

⁴⁸ Deringil S. Denge oyunu. S. 179.

⁴⁹ Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль... С. 352.

⁵⁰ Гасанлы Д. СССР – Турция... С. 110.

Турецкое руководство в этот период, чтобы сохранить нейтралитет в войне, постоянно ссылалось на недостаточность поставок из Англии вооружения и материалов, объясняя этим свою неготовность к войне. Во время беседы 9 ноября 1942 г. с Нэтчбулл-Хьюджессеном новый министр иностранных дел Турции Н. Менеменджиоглу сказал, что Германия до сих пор представляет опасность и в этот раз ее агрессия может быть направлена на захват Египта через турецкую территорию. Посол скептически отнесся к такому заявлению, сказав, что нацисты никогда так не поведут себя⁵¹.

Незадолго до этого, президент Турции Инёню выступил с речью на открытии ВНСТ 1 ноября 1942 г. В ней он заявил, что Турция остается верна своим клятвам, союзникам и друзьям и будет продолжать следовать политике национальной безопасности, хотя в условиях усиливающегося враждебного окружения проводить политику нейтралитета правительству становится очень сложно. Инёню констатировал, что «с момента начала мировой войны Турция никогда не была так близка к вовлечению в войну, как сейчас»⁵². Из выступления президента вытекало, что тяжелая обстановка, сложившаяся на фронтах осенью 1942 г., поставила Турцию перед угрозой нападения. В Анкаре опасались, что Турция будет вынуждена вступить в войну в случае нападения на нее Германии или ее союзников.

Черчилль планировал склонить Турцию к вступлению в войну на стороне антигитлеровской коалиции весной 1943 г. Эта идея прослеживается в его личных посланиях Сталину и Рузвельту. В частности, в послании Сталину от 24 ноября 1942 г. он пишет, что, уже посоветовавшись с Рузвельтом, считает необходимым для всех союзников «сделать новое энергичное усилие, чтобы заставить Турцию вступить весной в войну». Для этой достижения цели он хотел бы, «чтобы США присоединились к англо-советской гарантии территориальной целостности и статуса Турции». Это поставило бы три силы в общий сомкнутый строй, а «турки весьма считаются с американцами». Черчилль делал акцент на том, что вовлечение Турции в войну позволило бы союзникам приступить к различным военным операциям, используя территорию этой страны. В частности, «открыть судоходный путь к левому флангу советских войск на Черном море» и использовать турецкие базы для бомбардировки румынских нефтяных источников, которые «имеют жизненно важное значение для держав Оси»⁵³. Сталин разделял мнение Черчилля о «желательности сделать все возможное», чтобы Турция весной вступила в войну на стороне союзников. Это имело бы большое значение для ускорения разгрома Гитлера и его сообщников⁵⁴.

После победы над Роммелем в Северной Африке у Англии появилась возможность лучше снабжать Турцию. Черчилль считал это делом первой необходимости, чтобы вовлечь Турцию в войну. Он отмечал, что прежде Турция из-за страха

⁵¹ Deringil S. Denge oyunu. S. 183.

⁵² Koçak C. Türkiye'de Milli Şef Dönemi. Cilt I. S. 712–713.

⁵³ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. М., 1976. С. 95–96.

⁵⁴ Там же. С. 97.

не выполняла свои обязательства, а Англия, понимая, что не могла в тот момент помочь своему союзнику, терпимо относилась к ее внешнеполитической линии. Однако сейчас Англия должна хорошо снабдить и модернизировать турецкую армию⁵⁵.

Английский посол в Швейцарии охарактеризовал ситуацию с Турцией следующим образом. В последние годы Турция испытывала политические и военные трудности, поэтому она пыталась сохранить абсолютный баланс между двумя сторонами, и нужно согласиться с тем, что турецкая дипломатия в этом преуспела. Однако, по мнению посла, ситуация не могла больше так продолжаться⁵⁶.

Турецкая дипломатия в ответ на усилившееся давление со стороны союзников в лице Англии старалась как можно дольше отложить вопрос о вступлении в войну. Турки указывали на то, что еще существует опасность со стороны Германии и нельзя доверять СССР. Турецкий министр иностранных дел Н. Менеменджиоглу в беседе с советником английского посольства 6 ноября 1942 г. заявил, что «в случае перехода Германии к оборонительной тактике немцы могут напасть на Проливы в качестве реванша за свои поражения». Менеменджиоглу считал, что «СССР заключил союз с Англией лишь потому, что оказался в условиях войны не на жизнь, а на смерть. Сталин может предать Англию при первой возможности». Однако это вовсе не означало, что Турция желала победы Германии в войне. По словам министра, «если бы Турция была вынуждена выбирать между Германией и СССР, то предпочла бы русских в качестве своего черноморского соседа»⁵⁷. В целях затягивания времени возможного вступления Турции в войну Менеменджиоглу предложил Англии, чтобы Турция стала в послевоенное время опорой англичан на Ближнем Востоке. Министр говорил, что тогда «Турция могла бы влиять на процессы, происходящие на Западе и Востоке, и проводила бы проанглийскую политику, особенно в славянских странах»⁵⁸. В действительности Турция не хотела становиться чьей бы то ни было опорой после войны и собиралась проводить свою независимую политику, однако такое предложение, как считал Менеменджиоглу, было необходимо для продолжения турецкой политики нейтралитета.

Форин Оффис, оценивая курс турецкой дипломатии, отмечал, что турецкое руководство опасалось советской экспансии. Анкара боялась, что Англия и СССР могут заключить соглашение, направленное против Турции, если страна не вступит в войну. Английские дипломаты посчитали, что эти опасения можно использовать в интересах Великобритании, чтобы сохранить и усилить послевоенное влияние на Анкару. Английское руководство хотело поставить турецкую дипломатию перед альтернативой: в случае возникновения противоречий с СССР после окончания войны Турция получит поддержку Запада, только если внесет определенный вклад в победу союзников в войне. По мнению Черчилля, такое давле-

⁵⁵ Deringil S. Denge oyunu. S. 184.

⁵⁶ Ibid.

⁵⁷ PRO. FO 371/R7978/24/44.

⁵⁸ Ibid.

ние на турок следовало оказывать через английского посла в Анкаре Нэтчбулл-Хьюджессена⁵⁹. Такая политика начала реализовываться с конца 1942 г.

В начале декабря 1942 г. Иден, выступая перед палатой общин, заявил, что «две великие державы – СССР и Великобритания – будут решать судьбу послевоенной Европы»⁶⁰. Эта речь вызвала опасения в турецких кругах. Турецкое руководство осознавало, что если их страна не вступит в войну и не станет членом формировавшейся ООН, то не получит права участвовать в послевоенной мирной конференции. Однако, понимая это, турки все равно как можно дольше откладывали решение о вступлении в войну. Англия же решила обернуть ситуацию в свою пользу.

Зимой наступившего 1943 г. вопрос о вступлении Турции в войну обсуждался на конференциях в марокканской Касабланке и турецкой Адане.

Переговоры премьер-министра Великобритании У. Черчилля и президента США Ф. Рузвельта при участии членов Объединенного комитета начальников штабов Великобритании и США проходили в Касабланке с 14 по 24 января 1943 г. Глава советского правительства И.В. Сталин был также приглашен на встречу в Касабланку, но не смог присутствовать на встрече в ответственный для страны момент победного завершения Сталинградской битвы.

Вместе с руководителями своих штабов Рузвельт и Черчилль на конференции в Касабланке обсуждали дальнейший ход военных действий. К этому времени почти вся Северная Африка уже находилась под контролем англо-американских войск. Бои с остатками германо-итальянских сил продолжались только в Тунисе. В качестве одного из направлений дальнейшего наступления союзных войск Черчилль предложил нанести удар по немецким силам в восточной части Средиземного моря. Здесь английский премьер-министр рассчитывал использовать Турцию для открытия на Балканах театра военных действий. Как пишет Черчилль в своих мемуарах, «Турция была ключом к осуществлению всех таких планов. В течение многих месяцев целью союзников было привлечь Турцию к участию в войне. Теперь возникла новая надежда, и эта задача приобрела неотложное значение»⁶¹. Он планировал также перебросить на этот новый театр войны часть британских войск, дислоцированных в Иране. Эта стратегическая концепция Черчилля в целом была поддержана Рузвельтом⁶².

Информируя Сталина об итогах конференции в Касабланке 27 января 1943 г., Черчилль писал: «Между президентом Рузвельтом и мной было условлено, чтобы я предложил президенту Турции встречу со мной для того, чтобы принять меры к лучшему и более быстрому снаряжению турецкой армии, имея в виду возможные события в будущем. Президент Турции ответил, что он сердечно приветствует этот план увеличения “общей оборонительной безопасности” Турции»⁶³.

⁵⁹ Ibid.

⁶⁰ Howard H. Turkey, the Straits and US Policy. Baltimore, 1974. P. 172.

⁶¹ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. Т. 3. [Электронный ресурс]. URL: http://militera.lib.ru/memo/english/churchill/4_39.html (дата обращения: 11.05.2012)

⁶² Исразян В.Л. Дипломатия в годы войны. С 129.

⁶³ Переписка... Т. 1. С. 106–107.

Англо-турецкая конференция в Адане проходила с 30 января по 1 февраля 1943 г. Перед отъездом в Турцию Черчилль сказал помощнику президента США Гарриману, что при встрече с Инёню он заявит ему, что «если Турция останется нейтральной, то он не сможет сдержать русских по вопросу о Проливах». По мнению английского премьера, «для президента Инёню это будет неприемлемо»⁶⁴, поскольку Турцию волнует вопрос послевоенного устройства Европы. Однако в ходе переговоров в Адане Черчилль не стал прибегать к этому аргументу.

На переговорах У. Черчилля с президентом Турции И. Инёню, Ш. Сараджоглу, который с июля 1942 г. занимал пост премьер-министра, и другими членами турецкого правительства и высшего военного руководства самым подробным образом рассматривались различные аспекты, связанные с поставками вооружений, обсуждались вопросы о послевоенном устройстве мира и будущем советско-турецких отношений⁶⁵. Черчилль считал, что если Турция хочет быть активной участницей послевоенной перестройки, то она должна сохранить дружественные связи с СССР и вступить в войну против Германии. Поэтому премьер потребовал от правительства Турции соблюдения условий заключенного в 1939 г. между сторонами союзного договора, то есть немедленно вступить в войну и открыть Проливы. При этом Черчилль тут же добавил, что он не приехал что-то требовать от Турции, он приехал узнать в каких военных поставках нуждается Турция⁶⁶. На это президент Инёню ответил: «Турция хранит верность Анкарскому пакту. И в мыслях нет измены. Но при отсутствии армии, достаточно обеспеченной и вооруженной современным оружием, вступление в войну равносильно поражению. Турецкая армия лишена современного оружия и боеприпасов. Если Англия обеспечит нас всем необходимым, то и мы включимся в войну»⁶⁷.

Вопрос о Проливах был поднят на второй день конференции, когда Черчилль зачитал турецкой делегации памятную записку. В ней говорилось о предоставлении англичанам баз в Проливах. Министр иностранных дел Турции Менеменджиоглу прервал Черчилля и заявил, что такое предложение не соответствует конвенции Монтрё. Министр объяснил, что не хочет проводить политику в ущерб этой конвенции⁶⁸. Этот инцидент усилил убеждение Черчилля в том, что Менеменджиоглу является сторонником Германии.

По мнению известного отечественного тюрколога Д.Е. Еремеева, на конференции в Адане премьер-министр Великобритании уговаривал президента Турции осуществить вместе с западными союзниками вторжение на Балканы с тем, чтобы опередить приход в этот регион советских войск. Это, по его словам, «уязвимое подбрюшье Европы»⁶⁹.

⁶⁴ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conferences at Washington and Casablanca. Washington, 1968. P. 643.

⁶⁵ Гасанлы Д. СССР – Турция... С. 117.

⁶⁶ Там же. С. 117–118.

⁶⁷ Там же. С. 118.

⁶⁸ Deringil S. Denge oyunu. S. 191.

⁶⁹ Еремеев Д.Е. Турция в годы Второй мировой и «холодной» войн (1939–1990). М., 2005. С. 35.

Тем не менее Черчиллю не удалось добиться согласия турецкого руководства относительно участия Турции в войне. Причины этого заключались в сохранявшемся недоверии турецкого правительства к Советскому Союзу, так как в Анкаре считали, что в случае поражения Германии именно СССР займет ее место в Европе. Ш. Сараджоглу говорил, что СССР может стать империалистической державой и это заставляет Турцию быть осторожной и соблюдать нейтралитет⁷⁰. Черчилль в качестве контраргумента говорил, что СССР выйдет из войны «уставшим» и будет лишь «залечивать свои раны»⁷¹. Премьер напомнил, что после окончания войны будет действовать международная организация, более сильная, чем Лига Наций, которая будет обеспечивать безопасность и станет гарантом мира. Сараджоглу ответил, что более реалистично смотрит на события. Турецкий премьер выразил беспокойство, что вся Европа переполнена славянами и коммунистами. По его мнению, все побежденные страны будут большевизированы, если Германия будет разгромлена. Черчилль ответил, если и случится так, то лучше, чтобы Турция была сильной и тесно связанной с Англией и США. Если Россия (т.е. СССР) без всякой причины напала бы на Турцию, то новая международная организация, о которой он говорил, выступила бы в защиту Турции⁷².

Конференция в Адане не поколебала турецкую политику нейтралитета. Было очевидно, что Турция не доверяла союзникам, в том числе и Англии. Однако встреча Черчилля и Иненю не прошла безрезультатно. Было решено независимо от итогов политических переговоров начать массированные поставки вооружений для турецкой армии⁷³. Еще одно решение гласило, что в случае вступления Турции в войну Англия берет на себя защиту отдельных районов, включая Стамбул и Измир, от воздушных налетов, а также обязательство направить в Турцию некоторые военные соединения⁷⁴.

В личном послании Сталину от 1 февраля 1943 г. Черчилль прокомментировал свою поездку в Адану. Он писал, что не просил Иненю о каком-либо точном политическом обязательстве относительно вступления Турции в войну на стороне антигитлеровской коалиции, но, по его мнению, Турция решится вступить в войну до конца года. Черчилль уверял Сталина, что турки близки и Англии, и России, и что Турция соответственно ответит на любой дружеский жест со стороны СССР⁷⁵.

Однако Сталин ответил достаточно жестко: «...Я считаю уместным напомнить, что с нашей стороны по отношению к Турции, как за несколько месяцев до начала советско-германской войны, так и после начала этой войны, был сделан ряд заявлений, дружественный характер которых известен британскому правительству. Турки не реагировали на эти шаги, опасаясь, видимо, разгневать немцев. Можно предположить, что предлагаемый Вами жест встретит со стороны турок такой

⁷⁰ Olaylarla Türk Dış Politikası. S. 174.

⁷¹ Deringil S. Denge oyunu. S. 190.

⁷² Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. Т. 4. [Электронный ресурс]. URL: http://militera.lib.ru/memo/english/churchill/4_39.html (дата обращения: 11.05.2012)

⁷³ Там же.

⁷⁴ Гасанлы Д. СССР – Турция... С. 119.

⁷⁵ Переписка... Т. 1. С. 108–110.

же прием. Международное положение Турции остается довольно щекотливым. С одной стороны, Турция связана с СССР договором о дружбе и нейтралитете и с Великобританией – договором о взаимопомощи для сопротивления агрессии, а с другой стороны, она связана с Германией договором о дружбе, заключенным за три дня до нападения Германии на СССР. Мне не известно, как Турция думает в теперешних условиях совместить выполнение своих обязательств перед СССР и Великобританией с ее обязательствами перед Германией. Впрочем, если турки хотят сделать свои отношения с СССР более дружественными и тесными, пусть заявят об этом. Советский Союз в этом случае готов пойти навстречу туркам»⁷⁶.

Черчилль и сам понимал, что все усилия британской дипломатии склонить Турцию к вступлению в войну против гитлеровской Германии и ее союзников на данном этапе мировой войны потерпели неудачу. Фактическим признанием этого стали его слова, сказанные 2 февраля 1943 г., что нейтралитет Турции отвечает интересам самой Турции и ее союзников и правительство Великобритании прекрасно понимает эту позицию⁷⁷. Таким же признанием неудачи всех британских усилий по вовлечению Турции в войну на данном этапе стали слова Черчилля, сказанные перед палатой общин 11 февраля 1943 г. Говоря о состоявшейся конференции в Адане, он охарактеризовал ее, как «диалог глухих»⁷⁸.

Итак, анализ источников и специальной литературы позволяет в заключение сказать, что настойчивые действия Лондона по привлечению Турции на сторону антигитлеровской коалиции и вовлечению ее в войну в рассматриваемый период должны были привести к реализации одной из главных британских стратегических целей. Англия не могла допустить потери влияния в средиземноморском и ближневосточном регионах и утратить контроль над подступами к Индии. Важнейшее место в достижении этой цели в британской политике занимала Турция. В одной из бесед с советским послом в Турции С.А. Виноградовым его английский коллега Нэтчбулл-Хьюджессен отметил, что «Турция занимает особо влиятельную позицию в мусульманском мире. Развивать англо-турецкие отношения чрезвычайно важно, так как это поможет нам в Ираке, Иране, Афганистане и даже в Индии. Враждебная Англии Турция может стать большой помехой в этом регионе»⁷⁹. На первом этапе рассматриваемого периода Англия видела в Турции буферную зону, препятствие для немецкого проникновения на Ближний Восток. Затем, с началом коренного перелома в войне в пользу сил антигитлеровской коалиции, идея вовлечь Анкару в войну и использовать Турцию не только с целью борьбы против Германии и ее союзников, но и чтобы воспрепятствовать распространению советского влияния в Восточной и Юго-Восточной Европе, стала главной в планах английской дипломатии.

Турецкое правительство, официально придерживавшееся политики нейтралитета, считало своей важнейшей задачей не допустить нападения на Турцию,

⁷⁶ Там же. С. 111–112.

⁷⁷ Гасанлы Д. СССР – Турция... С. 119.

⁷⁸ Deringil S. Denge oyunu. S. 191.

⁷⁹ PRO. FO 371/R12731/7/44.

чтобы не разделить судьбу многих других стран, оккупированных Германией и её союзниками. Внешнеполитическая ориентация Турции в период 1941-1943 гг. менялась в зависимости от положения дел на фронтах. Турецкое руководство, пытаясь устоять перед дипломатическим давлением воюющих сторон, находилось в ситуации, когда надо было постоянно лавировать между двумя воюющими сторонами, прежде всего между Англией и Германией. Тем не менее в Анкаре всегда сознавали важность сохранения союза с Великобританией в интересах укрепления безопасности Турции.

Английская дипломатия использовала как политические, так и экономические методы воздействия на Турцию с целью привлечения ее на сторону антигитлеровской коалиции и вовлечения в войну. В течение всего рассматриваемого периода постоянно велись англо-турецкие переговоры об увеличении объема поставок оружия и военного снаряжения для усиления турецкой армии. В 1941 и 1942 гг., когда для Англии и СССР складывалось тяжелое положение на фронтах, Лондон, согласуя свои действия с Москвой, неоднократно давал правительству Турции заверения в верности англо-турецкому союзу и подтверждал гарантии целостности турецкой территории. С конца 1942 г., когда положение на фронтах стало изменяться в пользу антигитлеровской коалиции, британская дипломатия попыталась оказывать давление на Турцию, чтобы вовлечь ее в войну. В качестве инструмента такого давления Лондон использовал версию о возможном распространении советской угрозы на турецкие территории в послевоенное время. Однако после конференции в Адане в январе 1943 г. стало ясно, что все усилия британской дипломатии склонить Турцию к вступлению в войну против Германии на данном этапе мировой войны потерпели неудачу. Премьер-министр Великобритании Черчилль был вынужден довольствоваться лишь подтверждением президентом Турции Инёню верности его страны англо-турецкому союзному договору.